

УДК 87:3 (575.2) (04)

НЕМНОГО О “ФОРМАЦИЯХ”

И.В. Федяй

Анализируются структурные составляющие формации как элементы развития единого Глобального Рынка в современном обществе.

Ключевые слова: формация; методология; элементы; связи; поток; система.

Основная задача русской общественной мысли заключается в ее собственном обезвреживании. Нужно как-то слезть с высот органов усидчивости, отбросить в сторону теории и мелочи, цитаты и философии, шпаргалку и моду и установить ряд крупных, решающих и очевидных фактов.

И. Л. Солоневич

Известно, чтобы держать под “надзором” общественную мысль, необходимо контролировать дискурс. Власть над дискурсом принадлежит тому, кто задает его границы, тому, кто устанавливает методологию, ибо именно методология и определяет границы любого дискурса. Когда же границы установлены – за их пределами можно спрятать целый мир. Любая методология, в свою очередь, является выражением определенной метафизики. Линеарная методология, например, выражает метафизику поточного, универсально-глобального существования, но предмет своего исследования имеет исключительно системы. Таким образом, она, хочешь – не хочешь, вынуждает рассматривать системы с поточной точки зрения, в поточных способах осмысливания и оценивания.

К чему же приводит рассмотрение систем с поточной точки зрения? А приводит это к тому, что онтологический, ноуменальный уровень начинает осмысливаться исключительно в психологическом, феноменальном ракурсе. Общее осмысливается здесь исключительно с позиции частного и отщепенческого, сущность – с позиции явления. А результатом рассмотрения высшего и сложного (онтологический, субстанциональный уровень) в примитивно-низшем, психологическом измерении неизбежно становится аннигиляция этого высшего, его упроще-

ние и разложение, сведение целого к какой-либо части, а уровня структурности (связей) – к составляющим эту структуру элементам. Понятно, что при этом бесконечное станет пониматься как ритмический рисунок сменяющегося конечного (Гегель), а абсолютное – всего лишь в качестве абсолютности относительного. В основе этой методологии лежит еретическое (психологическое), маргинальное мировоззрение.

Когда же психологическое, частичное становится методом осмысления онтологического и цельного, то диалектика соотношения части и целого неизбежно нарушается. И это нарушение обычно приводит к попыткам вывести целое из какой-либо части. Например, формацию (целое) в этом понимании будут создавать элементы (экономические – способ производства или юридические – правовая структура), а не связи между ними. Формация будет пониматься как ритмический рисунок сменяющегося способа производства (экономическая школа) или сменяющегося правового устройства (юридическая школа), целостность – через элементы, а не через связи между ними. А значит, связи здесь начинают играть подчиненную роль в отношении элементов, зависеть от них и следовать за ними как временная, относительная форма, меняющийся рисунок постоянно развивающегося элемента (экономического или юри-

дического). Поэтому системность, целостность здесь выступает как нечто схематическое и формальное, временно связанное лишь тем или иным состоянием производительных сил либо правовых свобод.

Выводить же целостность, системность из того или иного уровня одного из элементов этой системности, примерно то же, что связывать здоровье организма не с гармоническим соотношением (связью) всех его органов, а с безудержным ростом одного из них, например, с раковой опухолью. И тогда прогресс означает ничем не стесненный рост этой раковой опухоли. Организм при этом начинает рассматриваться как временное оформление того или иного уровня непрерывно растущей опухоли, и его здоровье ставится в зависимость от роста этой, с ума сошедшей, клетки.

А так как организм понимается как оформление ее данного уровня, а она растет непрестанно (производительные силы, например), то понятно, что здоровье его будет соотноситься не с укреплением целостности (гармонии всех органов), а с ее непрестанным разрушением (с революциями как перманентным явлением). Целостность, системность (формация) должна все время разрушаться, чтобы соответствовать новому уровню развития этого ракового элемента. И так постоянно. Поэтому смысл начинает видаться не в целостности, а в процессе постоянного разрушения этой целостности, в том, чтобы воспроизводить это разрушение снова и снова. Ибо распад связей, создающих целостность, будет означать рост элемента (юридического или экономического), превращенного этой теорией в раковую опухоль, а значит – это прогресс. Укрепление внутренних связей, подчиняющее элементы системной гармонии и не позволяющее им переходить в раковую опухоль, будет считаться застоем, регрессом.

Таким образом, системность как самостоятельное, гармоническое культурно-историческое существование при господстве данной методологии всегда будет пониматься как нечто регрессивное, нежелательное и ретроградное, в то время как разрушение этого существования – как нечто желательное и прогрессивное. А значит, носители нигилистических тенденций – всевозможные революционеры, маргиналы, сектанты и пр. – с позиции этой методологии становятся носителями прогресса, носители традиции, общественных норм – наоборот. Все дегенеративные, патологические элементы в заданных этой методологией границах объективно становятся но-

сителями прогресса¹. Это и является сутью формационной методологии как в экономическом (марксизм), так и в юридическом (либерализм) ее вариантах. И каким бы ты не был распатриотом, находясь в границах, заданных данной методологией, осмысливать и оценивать системы ты неизбежно будешь антисистемными способами. А значит, и к выводам будешь приходить неизбежно антисистемным, разрушительным для систем и выгодным исключительно потоку.

Методология эта логична (внутри заданных границ) и оформлена внешне наукообразно, но внутренне ничего общего с наукой не имеет, ибо противоречит всем историческим фактам. Например, с ее позиции приходим к следующему абсурду в интерпретации истории в рамках, например, понятия “феодализм”. Классическое определение основных черт феодализма, принятое в марксистской литературе, дано В.И. Лениным. Это: 1) господство натурального хозяйства; 2) отсутствие у непосредственного производителя средств производства; 3) личная зависимость крестьянина от земледельца; 4) низкое рутинное состояние техники. “Как видите сами, крепостное хозяйство России середины прошлого века целиком подходит под ленинское определение феодализма, однако никто же, в самом деле, не станет утверждать, что Россия Николая Первого была феодальным государством. Из ленинского определения полностью выпадает основная черта феодального строя – дробление государственного суверенитета, исчезновение идеи единой общенациональной власти. Феодальный барон Западной Европы хозяйствовал совершенно так же, как и русский помещик чичиковских времен, однако ни Ноздрев, ни даже Собакевич никакими феодалами не были, а вестфальский барон этим феодалом был” [1].

Причина абсурдности этого ленинского положения как раз и задается границами марксистской методологии, сводящей целое – формацию (феодальную, в данном случае) – к одной из ее частей. Когда же целое выводят из части (уровня производительных сил, например), мы и получаем

¹ Например, в учебниках истории вообще и истории политических учений в частности, еретические, и вообще все разрушительные антисистемные движения рассматриваются всегда позитивно, как носители прогрессивных тенденций. Таким же прогрессивным становится отщепенчество и предательство. Например, ленинская теория о необходимости поражения собственной страны в империалистической войне.

классическое нарушение диалектики соотношения части и целого и, в результате, продолжение абсурдности, против чего и восстает И.Л. Соловьевич: “К “производственным отношениям” феодализм не имеет никакого отношения. И утверждение марксизма, что “по сравнению с рабовладельческим обществом феодализм представляет более прогрессивную форму **производственных** (а не юридических! – *И.С.*) отношений, блещет таким же остроумием, как и ленинское определение самого феодализма. Достаточно вспомнить огромную культуру и необычайно высокий уровень римского “производства”. Феодальная Европа, нищая, грязная и безграмотная, уж никак не представляла собою “более прогрессивной формы производственных отношений” – это, вопреки Гегелю, был сплошной регресс, феодализм приходит не из производственных отношений. Он приходит от жажды власти, взятой вне всякой зависимости и от производства, и от распределения... Феодализм иногда предполагает юридическую основу власти, но он никогда не предполагает моральной” [1].

Не принимая во внимание противоположности двух структурных принципов и выводя целое (формацию) из части (экономической или юридической), невозможно объяснить и тот исторический факт, что при одном и том же способе производства могут быть осуществлены две совершенно разные структуры с противоположным типом связей. Например, при феодализме, с одной стороны, возможен и устанавливается сетевой, корпоративный тип связей – феодально-торговый (Новгород), либо феодально-земельный (Вильна, Галич), где структура образовывается по ганзейскому типу: государство – торговый дом, правительство – правление акционерного общества, а корпорации – акционеры. Монархическое же начало (князья) являются просто наемниками этих корпораций и партий, которых вече (парламент, дума и пр.) то приглашает, то изгоняет по собственному усмотрению: “В Галиче княжескую власть боярство вообще съело. В Литовско-Русском государстве аристократия только и ждала момента, чтобы утвердить свои вольности перед лицом единой державной власти. Это ей и удалось – ценой существования государства” [1]. Княжеская власть связывалась аристократией (земельной или торговой) во имя своих собственных, частно-корпоративных интересов, а уж никак не народных: “Русская Правда”, – говорит Ключевский, – есть по преимуществу уложение о капитале. Капитал служит предметом особенно напряженного внимания

законодателя: самый труд, то есть личность человека, рассматривается как орудие капитала... Это “Русской Правде” сообщает черствый мешанский характер”. Такой же характер носит и новгородское законодательство” [1].

Но такими же марионетками в руках могущественных транснациональных финансово-политических кланов оказываются и современные государства: “Международный капитал, если так можно сказать, кровно заинтересован в слабых государствах, т.е. в таких, которые *слабы*, но все же остаются *государствами*. Преднамеренно или подсознательно, межгосударственные институты в их существующем виде последовательно вынуждают всех своих участников или зависимые от них государства систематически разрушать все, что способно замедлить свободное движение капиталов и ограничить свободу рынка... Слабые государства легко могут быть низведены до полезной роли местных полицейских участков, обеспечивающих тот минимальный порядок, который необходим бизнесу, но при этом не порождающий опасений, что они могут стать эффективным препятствием на пути свободы глобальных компаний” [2].

Таким образом, при корпоративно-сетевом типе связей для центральной власти (что при феодализме, что при капитализме) остается одно и то же назначение – выступать в виде судебных приставов и полномочных представителей тех сил, которые они уже не могут контролировать. Получается, что способ производства различный (средневековый феодализм и современный финансовый капитализм), даже не сопоставимый, а структурные тенденции – общие. Вот, например, как определяет роль глобализации в западных странах адъюнкт-профессор Иллинойского университета Роберт У. Макчесни: “Неолиберализм – это политика, посредством которой относительно небольшая группа лиц, руководствуясь своими частными интересами, оказывается в состоянии поставить под свой контроль большую часть социальной жизни, причем она использует этот контроль с целью увеличения своей личной выгоды... в последние два десятилетия неолиберализм выступал в роли политико-экономической тенденции, господствующей в мире и принятой политическими партиями центра, а также многими представителями как традиционно левых, так и правых сил. Эти партии и осуществляемая ими политика представляют непосредственные интересы чрезвычайно богатых инвесторов и менее тысячи крупных корпораций” [3].

С другой стороны, на одном и том же “феодалном” способе производства могли устанавливаться и устанавливались связи внутренние, дискретные во внешнем отношении, образующие общенациональную власть. Например, власть Московского князя, которая, конечно, тоже закрепощает “... но закрепощает не во имя “резы” – ростовщического процента, который “Русская Правда” допускала в размере 50% в год (на практике брали 80 и 100%), не во имя мехоторговцев или работоторговцев (и не во имя прибыли транснациональных ростовщических монополий – *И.Ф.*), а во имя общих интересов. Разумеется, и в Москве не обходилось без засилья сильных людей, но там был предел, поставленный общенациональной властью, была общенациональная идея... непрерывно охраняемая вооруженным аппаратом самодержавия” [1]. При данном (внутреннем) виде связей, любые завоевания входят в состав государственного единства как полноправные части. Москва, например, рассматривала каждую присоединенную область как свою новую составную часть, как новую часть общего государства, а не как торгово-промышленное сырье, не как меховой или челядинный сырьевой рынок. Новгородские завоевания не присоединялись к земле, как присоединялись московские, а оставались только колониями, местами, откуда извлекалась прибавочная стоимость. Новгородская аристократия рассматривала свои пятины как объекты эксплуатации, а Киев свои волости – как объект грабежа.

Современная свободная “рыночная” торговля, которая открывает внутренние рынки национальных государств и снимает все барьеры между их экономическими системами, создавая единый Глобальный Рынок, не только блокирует гармоническое развитие национальных экономик, но и разрушает их. Она также рассматривает все свои завоевания как колонии, места, из которых будет извлекаться прибыль: “В таких условиях они (национальные государства, входящие в эту систему, завоеванные ею – *И.Ф.*) “уживаются” до производства только той продукции, в которой на данной территории заинтересованы транснациональные корпорации (ТНК)... Таким образом, можно констатировать, что снятие торговых барьеров и открытие своих внутренних рынков экономически слабыми западными государствами обрекает их промышленное и сельскохозяйственное производство на гибель под давлением международных монополий... Покупая же продукцию ТНК и не вырабатывая своей, западные страны лишаются всякой возможно-

сти инвестировать свою национальную экономику, обрекая себя на экономическую отсталость, политическую слабость, развал социальной сферы, упадок науки, культуры и т. д.” [4].

Таким образом, двум противоположным структурным принципам при одном и том же способе производства периода средневековья – глобально-сетевому, с одной стороны, и внутреннему, системно-замкнутому, с другой, соответствует наличие этих же самых принципов и в современности. Например, капитализм как способ производства – один и тот же, а вот связи и соответственно структуры, на нем основывающиеся, возможны опять-таки противоположные. С одной стороны, это самостоятельная экономика с государственно-ориентированной стратегией, опирающаяся на активное участие правительства в экономической деятельности посредством обдуманных планов и правительствами контроля за их выполнением: “... в восточно-азиатских странах, преуспевших на пути экономического развития, правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста, отбросив “религию”, полагающую, что рынки знают все лучше всех, и прибегнуло к вмешательству ради улучшения передачи технологий, относительного равенства, образования и здравоохранения, наряду с промышленным планированием и координацией” [3]. Высокие пошлины в сочетании с техническими требованиями блокируют импорт во всех отраслях экономики, где, по мнению планировщиков, фирмы их страны слишком слабы, чтобы противостоять международной конкуренции, и где они хотят защитить существующие уровни занятости. Это так называемый “экономический национализм”, который предусматривает теорию “продуктивных сил” в противовес фритредерской теории “меновых стоимостей”. Например, Ф. Лист рассматривал государственный протекционизм в качестве средства для достижения прорыва в экономическом развитии [4].

С другой стороны, существует теория, проталкивающая противоположные тенденции, строящая совершенно противоположную, точную структуру, на ином, глобальном типе связей, но при том же самом, капиталистическом, способе производства. Это структура, основанная на четырех свободах – свободах обращения товаров, услуг и денег, для чего необходимы предельное снижение таможенных пошлин и максимальная рыночная либерализация. Свободная циркуляция в масштабах всего мира денег и возможность беспрепятственно переме-

щать производственные структуры с целью сокращения затрат заставляют как промышленников, так и финансистов вывозить производство и капиталы из стран, в которых они были созданы. Пользуясь принципом получения наибольшей прибыли, как всеопределяющим принципом, промышленность и капиталы игнорируют интересы нации, которая их создала. Они становятся транснациональными, т.е. самодостаточными, подчиняя свое функционирование лишь цели собственного безграничного роста. Посредством этой политики небольшая группа лиц, руководствуясь своими частными интересами, ставит под свой контроль большую часть социальной жизни и использует этот контроль исключительно с целью личной выгоды.

На этих примерах достаточно ясно видно, что дело вовсе не в том или ином способе производства — т.е. элементах, а в структурном принципе, определяющем связи между этими элементами. Этих структурных принципов на протяжении всей истории только два. И именно эти структурные принципы определяют основные тенденции, т.е. связи — экономические, политические, социальные на протяжении всей истории, что при рабстве, что при феодализме, что при капитализме. А значит, при анализе исторического процесса исходить необходимо вовсе не из того или иного способа производства или юридического устройства, а из типа связей, определяющего тип структуры — системной, либо антисистемной (поточной), глобальной.

Таким образом, совершенно очевидно, что современные глобальные тенденции в структуре совершенно идентичны таковым же, универсальным структурным тенденциям раннего средневековья. А именно:

1. Ослабление внутренних связей и усиление внешних, которые связывают не суверенные целостные системы, а их распавшиеся, самостоятельные части. Тенденция перехода от вертикальных, внутренних, внешне дискретных связей к связям корпоративным, сетевым, универсально-поточным — абсолютна одна и та же и в средневековье (Новгород, Вильна, Галич, Ганза, вся Западная Европа), и в современном глобальном переустройстве.

2. Идентичной является и качественная характеристика этих сетевых связей. Носят они одинаково абстрактный, виртуальный характер, не являясь эквивалентом никаких реальных ценностей — производства, услуг или ресурсов, т.е. это связи непременно спекулятивно-ростовщические, паразитарные. В средневеко-

вье — это всемирно-сетевая торговая связь, где торговля носит исключительно паразитарный, ростовщический характер. Это, так называемая, “дефицитная торговля”, что в переводе на современные понятия идентично торговле наркотиками и валютным операциям. “Дорога по-персидски — *rah*, корень глагола “знать” — *don*; знающие дороги — *рахдониты*. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой. Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, а только предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков” [5] “... это похоже на “торговлю” с индейцами Канады и зулусами Южной Африки. Это способ порабощения страны путем обмана и спаивания аборигенов. Это программа колонизаторов эпохи “первоначального накопления” капитализма, губительная для народов, становившихся ее жертвами... С начала XX в. преклонение перед дефицитной торговлей у ряда историков превращается в навязчивую идею...” [5].

Но то же самое можно сказать и о современной глобальной долларовой связи. “Первоначальная денежная система, которая должна была облегчить обмен товарами и услугами, окончательно превратилась в алхимический процесс. С виртуальными деньгами, не имеющими реальной ценности, обращаются сегодня так, будто они сами по себе являются ценным товаром. Объем финансовых переводов, в основе которых не лежит никакой обмен товарами или услугами, на несколько порядков больше, чем объем реальных сделок. Это спекуляции банков дериватами, валютной, манипуляции с процентными ставками, которые часто можно квалифицировать просто как ростовщичество. Это может разрушить — и разрушит — любую национальную экономику” [6].

3. “Открытие” систем и включение их в глобально-универсальную поточную антисистему происходит путем распространения единого мировоззренческого эквивалента, заменяющего традиционные, культурно-исторические, “номинальные” (системные) способы мышления и оценивания на “курсовые”, абстрактно-универсальные, поточно-сетевые, на которых и создается новая финансовая и умственная аристократия, не сопричастная никаким национальным и духовным традициям. Например, в средневековье агрессивное распространение католицизма объяснялось тем, что “...те славянские страны, в которых торжествовало католичество, немедленно входили в

общую западноевропейскую экономическую систему” [5]. В Киевской Руси в период правления Святополка II именно партия, опирающаяся на еврейский купеческий капитал и имеющая польско-немецкую, католическую ориентацию, толкала великого князя на войны, потому что пленных продавали в рабство этим купцам-работоторговцам, увозившим их в Регенсбург и Венецию для дальнейшей перепродажи в Египет [5].

В современности таким эквивалентом становится либеральная доктрина, которая через экономическую (рыночная экономика, теория глобального рынка), политическую (демократия, где власть становится бизнесом, а бизнес – властью) и социальную (гражданское общество, в противовес концепции традиционного национального общества, как совокупность автономизированных индивидов, отвергнувших все религиозные, национальные и исторические связи) составляющие “открывает” суверенные закрытые системы и делает их частями (подсистемами) глобальной антисистемы.

4. В результате разрыва внутренних связей и образования связей сетевых, глобально-универсальных происходит искажение реального производства. Разложившиеся элементы бывших суверенных систем присоединяются к групповому паразиту в качестве сырьевых придатков. А значит, функционирование национальных государств не может больше зависеть от внутренне присущих им закономерностей, так как это может негативно повлиять на функционирование глобальной системы (т.е. на поточную гегемонию) в целом. Например, в рамках глобализационного подхода реализуется в планетарном масштабе идея “нулевого роста”, в соответствии с которой мировая экономика не должна развиваться, а население планеты возрастать. Современная свободная “рыночная” торговля, которая открывает внутренние рынки национальных государств и снимает все барьеры между их экономическими системами, создавая единый Глобальный Рынок, не только блокирует гармоническое развитие национальных экономик, но и разрушает их (следствием чего естественно идет па-

дение науки, образования, рождаемости и пр.), т.е. рыночная торговля рассматривает все свои завоевания как колонии, места, из которых будет извлекаться прибыль. В средневековье данная политика консервировала распад Древнего мира, для его удобнейшей глобально-универсальной эксплуатации через всемирную дефицитную торговлю. А сейчас данная политика насильственно разлагает, разрушает цельные суверенные системы, но с точно такой же целью. Времена разные, а вот цели и средства их достижения – одни и те же.

Дело вовсе не в способе производства, а в типе связей, определяющем структуру, которая поэтому и может быть идентичной при разных способах производства и различной (противоположной) при одном и том же способе. А определяется тот или иной тип связи тем, какой принцип преобладает в данный исторический момент – системный (культурно-исторический), либо поточный. Как золото является естественным врагом, сделанным из ничего деньгам (доллару ФРС), так и реальная экономика – естественный враг экономике виртуальной, спекулятивно-паразитической. Последняя, поэтому, никак не может являться прогрессом и высшей стадией развития первой, до подобного абсурдного утверждения можно было прийти, лишь рассматривая системную экономику с позиции поточной методологии. На самом деле, современная виртуальная экономика финансового зазеркалья является лишь извращением и искажением реальной системной экономики с целью подчинения ее поточному паразиту.

Литература

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2005.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
3. Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002.
4. Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2006.
5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
6. Платонов О., Райзеггер Г. Конец Америки: истоки мирового кризиса. М., 2009.